

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

О распространеніи ложной эхи объ опасной болѣзни.

(Архивъ Св. Правительствующаго Синода. Дѣло 1746 г. № 15).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1745 года, близъ г. Твери, въ слободѣ Исаевской, остановились для ночлега три крестьянина, гнавшіе 9 лошадей помѣщика Никиты Козлова изъ Кашинскаго уѣзда въ село Баламутово, вотчину Козлова. На слѣдующій день одинъ изъ этихъ крестьянъ, по имени Иванъ, умеръ. Хоронившій его, попъ Ѡадей Степановъ замѣтилъ на лицѣ, шеѣ и груди покойника какія-то подозрительныя багровыя и синія пятна.

Не успѣли остальные два проводника, Василій и Никита, пригнать лошадей въ село Баламутово, какъ и они заболѣли. Такъ какъ болѣзнь ихъ сразу приняла острый характеръ, послали за тѣмъ же попомъ Ѡадеемъ исповѣдывать и причастить больныхъ. Пріѣхавши, попъ Ѡадей обратилъ вниманіе на синебагровое пятно подъ лѣвымъ глазомъ у больного, Василія, и на красную болячку съ опухолью между бровями у Никиты. Василій на другой же день умеръ, Никита же сталъ выздоравливать.

Въ слободѣ въ то же время началъ заболѣвать и падать скотъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пало 8 лошадей и 2 коровы.

Заболѣлъ, наконецъ, и староста села Баламутова, Федотовъ. Опять послали за попомъ Ѡадеемъ. Тому всѣ эти заболѣванія показались очень подозрительными, и онъ сталъ спрашивать крестьянъ. Всѣ они высказывали одно и то же предположеніе,

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

что первоначально заразная болѣзнь появилась на скотѣ и затѣмъ перешла на людей. Больной Федотовъ былъ того же мнѣнія. Показавъ попу Ѡаддею болячку на рукѣ, онъ сказалъ, что болѣзнь эта опасная и называется она „пострѣлъ“.

Возвратившись домой, поппъ Ѡаддей задумался. Ему жалко стало безпомощныхъ крестьянъ. Докторовъ вблизи не было, болѣзнь же могла развиться и принять большіе размѣры. Придумывая, какъ бы оказать помощь крестьянамъ, онъ рѣшилъ написать объ этомъ въ г. Тверь своему знакомому, посадскому человѣку Рѣшетову.

Получивъ письмо отъ поппа Ѡаддея, Рѣшетовъ отправился въ Тверской магистратъ и заявилъ, что въ слободѣ Исаевской и селѣ Баламутовѣ „и люди умерли и скотъ палъ одною язвою“.

Тверской магистратъ всполошился и распорядился послать въ слободу Исаевскую городского лѣкаря Денорія и лѣкаря архіерейскаго дома Емельянова.

Пока магистратъ писалъ и дѣлалъ распоряженіе о посылкѣ лекарей, падежъ скота прекратился. Перестали заболѣвать и люди. Поэтому, приѣхавшіе въ слободу Исаевскую, лѣкаря нашли больнымъ одного только Федотова.

Возвратившись въ г. Тверь, они донесли, что, „ни на скотѣ, ни на людяхъ никакой опасной болѣзни язвы не явилось. Больнымъ оказался одинъ только староста Федотовъ, у котораго на рукѣ болѣзнь фурунгулъ“.

Между тѣмъ вѣсть о появившейся болѣзни дошла до Москвы, откуда сенатской канцеляріей были командированы въ г. Тверь штабъ-лѣкаръ Кларнеръ и поручикъ Ярославскаго полка Лаптевъ.

Прибывъ въ г. Тверь, Кларнеръ съ Лаптевымъ разспросили какъ мѣстныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ села Баламутова и нашли, что „и люди и скотъ обстоятъ во всякомъ благополучіи“. Относительно же смерти крестьянъ они пришли къ заключенію, что первый крестьянинъ умеръ „отъ великаго кашля и поноса“ и второй „отъ того, что имѣлъ подъ лѣвымъ глазомъ чирей и къ тому же глазъ со щекою подпухъ, отчего была великая горячность“. У старосты Федотова, по ихъ мнѣнію, болѣзнь произошла отъ того, что „онъ пускалъ кровь чрезъ неумѣющую бабу изъ правой руки, кровь крайне умножилась и не выпущена. Вслѣдствіе чего учинился у него въ рукѣ великій жаръ, отъ котораго и сдѣлался чирей“.

Получивъ такого содержанія рапортъ, сенатская контора нашла, что никакой болѣзни не было и что за распространение „ложной эхи“ объ опасной болѣзни слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности Рѣшетова, Федотова и попа Ѡаддея Степанова.

Оправдываясь во взведенномъ на него обвиненіи, Рѣшетовъ представилъ, полученное имъ отъ попа Ѡаддея, письмо и утверждалъ, что онъ „никакой эхи не произносилъ“, а только сообщилъ магистрату о содержаніи письма.

Федотовъ заявилъ, что ему неизвѣстно, отъ какой болѣзни умерли люди и отъ какой причины падалъ скотъ. Самъ онъ былъ боленъ горячкою, былъ въ безпамятствѣ и поэтому возможно, что въ бреду называлъ болѣзнь язвою пострѣломъ.

Попъ Ѡаддей объяснилъ, что написалъ письмо Рѣшетову изъ опасенія распространенія тяжелой болѣзни между крестьянами, которымъ по своей добротѣ хотѣлось оказать помощь.

Сенатская контора, разобравъ дѣло, пришла къ заключенію, что Рѣшетова и Федотова подвергать наказанію не слѣдуетъ. „Попу же Ѡаддею за распространение ложной эхи о болѣзни надлежитъ учинить жестокое наказаніе плетьюми и по наказаніи посадить его въ монастырскіе труды на полгода, дабы смотря и другіе тому подобное не чинили и отъ такихъ лжевымысловъ воздержались“.

25 февраля 1746 года Святѣйшій Правительствующій Синодъ, куда поступило дѣло для окончательнаго разрѣшенія, указомъ преосвященному тверскому предписалъ: „учинить попу Ѡаддею надлежащее, по разсмотрѣнію преосвященнаго, наказаніе“.

М. Ф. Чулицкій.

